

На правах рукописи

Кюсева

КЮСЕВА МАРИЯ ВИКТОРОВНА
ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ
В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2018

Работа выполнена в аспирантской школе по филологическим наукам факультета гуманитарных наук Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики».

Научный руководитель:

профессор Школы лингвистики
Национального исследовательского
университета «Высшая школа
экономики»,
д.филол.н.
Рахилина Екатерина Владимировна

Официальные оппоненты:

Кобозева Ирина Михайловна, д. филол.
н., профессор кафедры теоретической и
прикладной лингвистики Федерального
государственного бюджетного
образовательного учреждения
«Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова»

Буркова Светлана Игоревна, к. ф. н.,
доцент кафедры филологии Федерального
государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
образования «Новосибирский
государственный технический
университет».

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт
востоковедения Российской Академии
Наук

Защита состоится «14» февраля 2019 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 002.006.03 на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института языкознания Российской академии наук по адресу: 125009, Москва, Б. Кисловский пер. д.1, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН Института языкознания РАН и на сайте Института по адресу
<http://iling-ran.ru/main/theses/kyuseva>

Автореферат разослан «__» _____ 2018 года

ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических
наук

А.В. Сидельцев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация представляет собой анализ семи признаковых полей функциональной, экспериенциальной, временной, тактильной и визуальной семантических зон в русском жестовом языке (РЖЯ) в типологической перспективе. Её **целью** является ответ на вопрос: как организована лексика в языке, использующем визуальный канал передачи информации, и насколько она сопоставима с лексическими системами звучащих языков.

Объектом исследования являются признаковые поля 'острый', 'тупой', 'мокрый', 'тяжелый', 'старый', 'толстый' и 'тонкий' в русском жестовом языке. Их лексико-типологическое описание потребовало решения следующих **задач**:

- заполнения типологических анкет для рассматриваемых признаков и идентификации жестов, покрывающих поля;
- разработки специального метода сбора информации для полей, в которых идентификация жестов предоставила наибольшую сложность;
- транскрипции собранных данных в системе ELAN 4.9.0 (<http://tla.mpi.nl/tools/tla-tools/elan/>);
- покомпонентного анализа семантики жестов, передающих визуальные признаки;
- обобщения полученных результатов и их совмещения с имеющимися семантическими картами;
- сравнения стратегий лексикализации признаковых полей в РЖЯ с организацией соответствующих семантических зон в звучащих языках.

Актуальность исследования объясняется тем, что в последнее время жестовые языки всё чаще включаются в типологические выборки. Это связано с их уникальной природой: жестовые языки генетически не связаны со звучащими языками и используют зрительный канал передачи информации. Традиционно типологические исследования обходили их стороной и постулировали универсальные правила и структуры исключительно на материале звучащих языков. С появлением все более детальной информации о языках, которые используют глухие сообщества во всем мире, и с признанием за ними статуса естественных независимых человеческих языков, ситуация изменилась. Жестовые языки стали жемчужинами типологических исследований: действительно, если то или иное правило соблюдается даже в таком «экзотическом» языке, как жестовый, значит оно, скорее всего, универсально. Вместе с тем, современные работы, сопоставляющие структуры жестовых и звучащих языков, рассматривают, в первую очередь, грамматические явления, такие как категория числа [Pfau, Steinbach 2006], вопросительные предложения [Zeshan 2004], способы отрицания [Zeshan 2006] и другие.

Новизна настоящего исследования заключается в том, что оно предлагает сместить фокус внимания с грамматических явлений на зону лексики. Существующие типологические исследования лексики жестовых языков немногочисленны; они ограничены «классическими» семантическими полями, такими, как названия

цветообозначений, термины родства, числительные. При сборе и анализе материала они всегда опираются исключительно на эксперимент (см. [de Vos, Pfau 2015; Grose 2012; Sagara, Zeshan 2016]). При этом чаще всего материалом таких исследований является американский жестовый язык, реже – некоторые европейские (британский, нидерландский, немецкий, французский) и/или немногочисленные деревенские жестовые языки (ката колок, адаморобский ЖЯ). Таким образом, настоящее исследование обладает новизной по трём параметрам:

- объект исследования;
Объектом исследования диссертации являются поля, которые раньше не анализировались в жестовых языках в типологической перспективе.
- методология исследования;
Исследование проведено с использованием методологии фреймового подхода к лексической типологии. Этот подход раньше не использовался для анализа лексики жестовых языков.
- материал исследования.
Исследование проведено на материале русского жестового языка. Этот язык является крайне слабо изученным, он никогда раньше не включался в лексико-типологические выборки.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что материал жестовых языков помогает прояснить организацию лексики человеческих языков в целом. Те черты лексических полей РЖЯ, которые обнаруживают сходство со звучащими языками, претендуют на статус универсальных и имеют фундаментальную значимость для понимания когнитивных процессов человека. Наблюдаемые нами уникальные черты РЖЯ обусловлены особенностями визуального канала передачи информации. Соответственно, если какие-либо закономерности, обнаруженные на материале звучащих языков, не наблюдаются в жестовом языке, это свидетельствует в пользу того, что они характеризуют не человеческий язык вообще, а ограничены аудиальной модальностью.

Практическая значимость исследования связана со слабой изученностью русского жестового языка. Настоящая работа представляет собой детальное описание целого пласта лексики РЖЯ, результаты которого могут использоваться как в словарях, так и в грамматических и типологических очерках. Помимо этого, наш диссертационный проект, который включает в себя также публикацию статей, проведение лекций, мастер-классов и выступление на конференциях, сам по себе повышает интерес к жестовым языкам и культуре глухих, а это, в свою очередь, способствует интеграции и улучшению социолингвистических условий глухого сообщества в России.

Диссертационное исследование выполнено в рамках фреймового подхода к лексической типологии [Рахилина, Резникова 2013] и использует его **методологию**. Так как анализ семантики лексемы, согласно этому подходу, сводится к описанию ее сочетаемости, в задачи настоящего исследования входила реконструкция контекстного поведения жестов, относящихся к рассматриваемым признаковым полям. Основным

инструментом исследования были уже разработанные в рамках фреймового подхода лексико-типологические анкеты, заполнение которых обеспечивало возможность сравнения семантики жестов русского жестового языка со словами звучащих языков. Обнаруженные лексические структуры визуализировались путем помещения их на семантические карты признаков. Далее стратегии лексикализации полей РЖЯ сопоставлялись со стратегиями лексикализации полей уже исследованных языков.

Исследование выполнено на **материале** русского жестового языка – средства коммуникации глухих и слабослышащих в России и некоторых странах бывшего СССР. По данным переписи населения 2010 года, в России в качестве основного средства общения РЖЯ используют примерно 121 тысяча человек. Несмотря на такую распространенность, РЖЯ, по сравнению с другими европейскими жестовыми языками, является слабо изученным. На настоящий момент, анализу этого языка посвящено только три диссертации [Kimmelman 2014; Прозорова 2009; Филимонова 2012]. Это исследование представляет собой первый проект по описанию лексики этого языка.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Лексика русского жестового языка сопоставима с лексикой звучащих языков.
2. Для её типологического анализа подходят методы, разработанные в рамках фреймового подхода к лексической типологии.
3. В большинстве исследованных признаков РЖЯ демонстрирует частотные стратегии лексикализации.
4. Уникальность лексики русского жестового языка состоит в присутствии в ней двух фундаментально разных компонентов: ядерного и периферийного. Для системного описания последнего типа необходим детальный анализ отдельных компонентов жеста.
5. Так как все жестовые языки относят к одной языковой группе [McBurney 2012], обобщения, сделанные на материале РЖЯ в рамках настоящего исследования, потенциально применимы и к другим жестовым языкам.

Апробация результатов исследования

По теме диссертации были сделаны доклады на научном семинаре центра исследования глухоты, языка и познания DCAL (Лондон, Англия, 2018); международной конференции Sign CAFÉ-1 (Бирмингем, Англия, 2018); научном семинаре университета Неймегена Sign pop-ups (Неймеген, Нидерланды, 2018); серии лекций по исследованию глухоты в университете Лейдена (Лейден, Нидерланды, 2018); постерной сессии летнего института американского лингвистического сообщества (Лексингтон, США, 2017); международной конференции австралийского лингвистического сообщества (Мельбурн, Австралия, 2016); воркшопе института Макса Планка, посвященному восприятию метафор (Неймеген, Нидерланды, 2016); научном семинаре Школы Лингвистики НИУ ВШЭ (Москва, Россия, 2015 и 2016 – два доклада); семинаре Лаборатории лингвосемиотических исследований Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (Москва, Россия, 2015); научном семинаре с приглашенным специалистом Асифой Маджид в НИУ ВШЭ (Москва, Россия, 2015);

конференции «Специальные образовательные условия и качество профессиональной подготовки лиц с ограниченными возможностями здоровья» (Новосибирск, Россия, 2015); 11-й международной конференции ассоциации по лингвистической типологии (Альбукерке, США, 2015); научном семинаре университета ЛаТроб (Мельбурн, Австралия, 2015); 26-й апрельской международной академической конференции, посвященной экономическому и социальному развитию, в НИУ ВШЭ (Москва, Россия, 2015); первой международной научно-практической конференции «Иностранные языки в науке и образовании: проблемы и перспективы» (Москва, Россия, 2015); второй международной конференции «Лингвистические права глухих» (Москва, Россия, 2014); мастер-классе по лексической типологии в Университете Хельсинки (Хельсинки, Финляндия, 2014); 10-й международной конференции ассоциации по лингвистической типологии (Лейпциг, Германия, 2013); ежегодной международной конференции по компьютерной лингвистике «Диалог» (Бекасово, Россия, 2013).

По теме диссертации опубликовано девять работ, семь из которых в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы

Работа состоит из вступления, четырёх глав, заключения, библиографии и трёх приложений. Во Введении диссертационное исследование помещается в широкий научный контекст, описываются его цели, объект и основная методология. Глава 1 состоит из пяти разделов и дает необходимую информацию о жестовых языках и жестовой лингвистике. Глава 2 освещает вопросы методологии. В ней дается информация о методах исследования лексики в звучащих языках, рассматриваются те из них, которые использовались для анализа лексики жестовых языков и описывается методология настоящего диссертационного исследования. Главы 3 и 4 приводят анализ семи признаков полей русского жестового языка. В Главе 3 описывается структура полей 'тяжелый', 'старый', 'тупой' и 'мокрый'; Глава 4 рассматривает поля 'острый', 'толстый-широкий' и 'тонкий-узкий'. Поля сгруппированы по типу жестов, их покрывающих: Глава 3 рассматривает поля, лексикализирующиеся исключительно так называемыми «ядерными» жестами, Глава 4 описывает поля, которые покрываются, в том числе, «периферийными» жестами. В Заключении суммируются результаты работы и обсуждаются возможные направления дальнейшего исследования. Библиография состоит из 183 названий. Приложения содержат лексико-типологические анкеты, которые использовались при сборе материала, и коллекцию стимулов для визуальных полей.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** к диссертационной работе объясняется мотивация, стоящая за настоящим исследованием, и формулируются исследовательские задачи. Жестовые языки, генетически не связанные со звучащими языками и использующие визуальный канал передачи информации, в последнее время все чаще становятся объектом типологических выводов. Их уникальная природа подвергает критической оценке типологические обобщения, сделанные на материале звучащих языков. Подавляющее

большинство подобных работ рассматривает грамматические явления языка. Настоящее исследование предлагает переместить фокус внимания на зону лексики. Главный вопрос, на который пытается ответить работа: возможно ли сравнение лексики жестовых и звучащих языков. Если да, то удовлетворяют ли жестовые языки закономерностям, обнаруженным на материале звучащих. Объектом исследования являются признаковые поля русского жестового языка разных семантических зон: функциональной ('острый', 'тупой'), экспериенциальной ('тяжелый'), временной ('старый'), тактильной ('мокрый') и визуальной ('толстый-широкий', 'тонкий-узкий').

Глава 1 «Жестовая лингвистика» предоставляет читателю необходимый бэкграунд в области жестовых языков. Глава содержит пять разделов.

Первый раздел приводит основные этапы исследования жестовых языков. Жестовые языки – это средства общения глухих и слабослышащих мира. Они представляют собой независимые и полностью самодостаточные системы коммуникации, равные по сложности и функционалу звучащим языкам. Такое понимание их природы, однако, до сравнительно недавнего времени не было общепринятым [McBurney 2012]. В первой половине XX века доминировал взгляд, согласно которому жестовые языки – это ограниченные и упрощенные системы общения (см., например, [Bloomfield 1933]). Поворотным событием в истории жестовых языков, ознаменовавшим собой рождение дисциплины жестовой лингвистики, стала публикация монографии Уильяма Стоуки «Структура жестовых языков: описание системы зрительной коммуникации американских глухих» [Stokoe 1960]. В этой работе У. Стоуки продемонстрировал, что американский жестовый язык обладает теми же фундаментальными характеристиками на уровнях фонологии, морфологии и синтаксиса, что и звучащие языки. За этой работой последовал этап исследований, в которых ученые приводили многочисленные убедительные свидетельства в пользу этой точки зрения [Fisher 1973; Supalla, Newport 1978; Klima, Bellugi 1979]. Начиная с 1980-х, когда статус жестовых языков прочно утвердился, лингвистическая мысль в этой области изменила свое направление. Стали появляться работы, подчеркивающие уникальность жестовых языков. Они рассматривали такие явления, как иконичность, одновременность выражения морфологических категорий, лингвистическое использование пространства (например, [Engberg-Pedersen 1993; Valli, Lucas 1995; Liddell 2003; Taub 2004]). Такие работы поставили под вопрос саму возможность сравнения жестовых и звучащих языков. Настоящая диссертация вносит вклад в решение этого вопроса.

Во втором разделе описывается структура жеста в жестовых языках. Вслед за пионерской работой У. Стоуки [Stokoe 1960] и ее дополнением, предложенным Р. Баттисоном [Battison 1978], в жестах выделяют четыре мануальных (т.е. ручных) компонента: конфигурацию руки, ориентацию руки, место артикуляции жеста и движение. Последний компонент, в свою очередь, можно разделить на направление движения и тип движения (например, прямое vs. дугообразное, резкое vs. плавное). Таблица 1 приводит значения этих компонентов для жеста РЖЯ СЕНА (Рис. 1).

Рисунок 1. РЖЯ: СЕНА¹

Название компонента	Значение компонента
Конфигурация ладони	
Ориентация ладони	горизонтально, ладонь к говорящему
Локализация	сторона доминантной руки нейтрального пространства
Направление движения	вертикально вверх
Тип движения	прямое

Таблица 1. Значения компонентов жеста РЖЯ СЕНА.

Важное свойство компонентов – возможность выступать в роли минимальных смысловоразличительных единиц, что сближает их с фонемами. Так, жест РЖЯ ВТОРНИК отличается от жеста СРЕДА только конфигурацией ладони, а лексема МУЖЧИНА отличается от слова ЖЕНЩИНА только местом артикуляции. Позднее стали выделять еще один, пятый структурный элемент жеста: «немануальный компонент» [Crasborn et al. 2008]. Этот компонент совмещает в себе движения тела, головы, плеч и выражение лица во время произведения жеста.

Третий раздел главы 1 рассматривает роль, которую в жестовых языках играет лексическая иконичность. В отличие от звучащих языков, в которых иконичность явным образом проявляется только спорадически и в ограниченных семантических зонах, в жестовых языках она гораздо более очевидна и пронизывает большую часть лексики [Taub 2004]. Раздел 3 определяет и иллюстрирует три основных типа лексической иконичности, которые проявляются в русском жестовом языке: форма руки изображает форму предмета (*shape-for-shape*); траектория движения руки изображает форму предмета (*path-for-shape*); тело говорящего изображает части тела человека или животного (*body-for-body*). Одно из важных следствий иконичности – разделение лексики жестовых языков на ядерную и периферийную части. Этой теме посвящен четвертый раздел главы. Ядерная лексика составляет основу лексикона жестовых языков и состоит из жестов, которые не меняют своей формы в зависимости от контекста [Johnston, Schembri 2007]. Отдельные компоненты таких жестов не обладают собственным значением, их сочетание в жесте подчиняется определенным ограничениям [Battison 1978]. В периферийных жестах эти ограничения зачастую

¹ Здесь и далее примеры из моей полевой работы, если не указано иное.

нарушаются. Будучи в высшей степени иконичными, периферийные жесты меняют свою форму в зависимости от контекста. Ср. изменение жеста для передачи смысла 'толстый' применительно к разным объектам в РЖЯ:

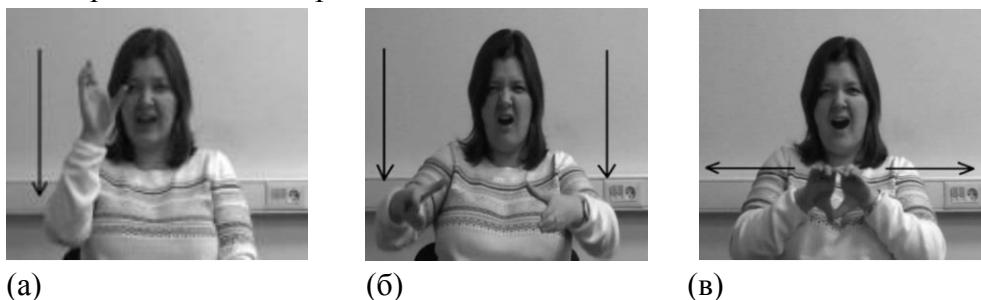

Рисунок 2. Жест толстый при описании разных объектов: стены (а), дерева (б), верёвки (в)

Поскольку движение в таких жестах очень точно передает форму объекта, каждый новый объект действительности может повлечь за собой новую форму жеста. Значение периферийных жестов композиционально складывается из значения их компонентов, а по виду они схожи с жестикуляцией слышащих людей. Некоторые исследователи утверждают, что периферийные жесты не хранятся в ментальном лексиконе носителей, а создаются в процессе речи [Brennan 1990]. Это, в свою очередь, ставит под вопрос статус периферийных жестов как лингвистических единиц и осложняет их сравнительный анализ.

Последний, пятый раздел главы предоставляет краткую историческую и социолингвистическую информацию о русском жестовом языке, который служит материалом настоящего исследования. Возникновение РЖЯ связывают с открытием первой школы для глухих в России в 1806 году [Зайцева 2000], официальный статус языка Российской Федерации он приобрел в 2012 году. Согласно переписи населения 2010 года, в России в качестве основного средства общения РЖЯ используют примерно 121 тысяча человек (<https://rg.ru/2011/12/16/stat.html>). Генетически русскому жестовому языку приписывают родство с французским и американским жестовым языком, однако основания для такой связи лежат в истории распространения языка (первые учителя в школе для глухих в России и Америке получили образование во Франции), а не в сравнительно-историческом анализе [Bickford 2005]. Русский жестовый язык до сих пор является слабо изученным. На настоящий момент у него нет полного грамматического описания, а в существующих словарях входами служат слова русского языка (см., например, [Гейльман 1975; Фрадкина 2001]). Подробно освещены только отдельные зоны РЖЯ: категория аспекта [Филимонова 2015], информационная структура [Kimmelman 2014], локальная структура дискурса [Прозорова 2009] и некоторые другие. Настоящая диссертация представляет собой первую работу, посвященную лексике РЖЯ.

Глава 2 «Вопросы методологии» посвящена методам типологического исследования лексики в звучащих и жестовых языках. Глава включает в себя три раздела.

Первый раздел описывает основные стратегии лексической типологии звучащих языков. В настоящее время можно выделить три основных подхода к этой области,

каждый из которых предлагает свою методологию. Анна Вежбицка и Клифф Годдард являются лидерами подхода «Естественного семантического метаязыка» (*Natural Semantic Metalanguage, NSM* [Goddard, Wierzbicka 1994; Goddard, Wierzbicka 2002; Goddard 2008]). Этот подход предлагает описывать сложные значения слов через простые. Это делается при помощи метода редуктивного перефразирования, при котором семантически сложные слова определяются через слова, значения которых проще. Утверждается, что после нескольких циклов применения этой техники определение сводится к простейшим значениям, семантическим атомам (или, как их называют в рамках этого подхода, примитивам). Семантические примитивы и правила их комбинирования составляют «естественный семантический метаязык». Список семантических примитивов, как утверждают последователи теории, может быть однозначно переведен на любой язык. А значит, с помощью естественного семантического метаязыка можно проводить систематическое сравнение лексем разных языков.

Принципиально другое основание для сравнения используется в денотативном подходе к лексической типологии. Рождение этого подхода связано с классической работой Б. Берлина и П. Кея, посвященного кросс-лингвистическому анализу цветообозначений [Berlin, Kay 1960]. В этом исследовании основанием для сравнения послужили цветные таблички Манселла. Носители разных языков сопоставляли цветные термины с подмножествами табличек. На сегодняшний день наиболее обширные исследования в рамках этого подхода ведутся в Институте Психолингвистики Макса Планка в Неймегене, Нидерландах (см., например, [Newman 1998, 2009; Majid, Bowerman 2007; Корецка, Narasimhan 2012]). «Неймегенский метод» использует стандартизованные стимулы: наборы картинок, видео-клипы, сосуды с синтезированными запахами, и т.д. Денотативный подход позволяет структурное сравнение лексики разных, в том числе, мало описанных языков. Некоторая ограниченность этой методологии проявляется в том, что его сложно применить для описания комплексных абстрактных полей, таких как ментальная деятельность, неприятные ощущения, эмоции. Кроме того, его часто критикуют за оторванность от контекста: искусственные стимулы могут исказить результаты анализа и предоставить неполную картину [Levinson 2000; Wierzbicka 2005].

Наконец, третий подход к лексической типологии, фреймовый, анализирует семантику лексем через контексты, в которых они встречаются [Рахилина, Резникова 2013]. Этот подход разрабатывается Московской лексико-типологической школой (MLexT) под руководством Е.В. Рахилиной. В его рамках постулируется возможность выделять в семантических полях минимальные значения (фреймы). Фреймовый набор семантических полей, а также отношения близости между элементами этого набора, универсальны. Представленные в виде семантических карт, они составляют основу для кросс-лингвистического сравнения лексики. Слова разных языков, относящиеся к полю, покрывают определенное подмножество фреймового набора поля. Для выявления этого подмножества используют типологические анкеты, представляющие собой списки контекстов слова. Например, в типологическую анкету поля 'острый' входят такие контексты, как 'нож', 'нос', 'шило', 'поворот' и др. Эта методология пригодна и для исследования метафорических переносов лексем, чем выгодно

отличается от двух описанных выше подходов. Слабое место этой техники исследования заключается в том, что её сложно применять для плохо описанных языков – по крайней мере, на первых этапах исследования. Наиболее плодотворные результаты здесь показывают хорошо описанные языки с богатой письменной традицией и обширными корпусами текстов.

Второй раздел главы 2 освещает исследования в области лексической типологии жестовых языков. На сегодняшний день, эти исследования проведены в рамках денотативного подхода и включают в себя анализ «классических» полей этого фреймворка: названий цветообозначений, терминов родства и числительных [de Vos, Pfau 2015; Grose, 2012; Sagara, Zeshan, 2016]. Так, например, названия цветообозначений были проанализированы в более чем 33 жестовых языках [Sagara, Zeshan 2016]. Сбор материала осуществлялся посредством заполнения анкеты исследователя и проведения коммуникативных игр. Анкета состояла из общих вопросов, таких как: «Назовите все жесты в вашем языке, которые обозначают цвет и образованы от частей тела», «Назовите все жесты в вашем языке, которые обозначают цвет и имеют инициализованную² конфигурацию руки», и т.д. Анкета заполнялась по результатам коммуникативных игр, которые проводились по сценарию «направляющий vs. следующий указаниям». У направляющего (участник А) в распоряжении была цветная картинка, у следующего указаниям (участник Б) – ее черно-белый вариант. Задача участника А – объяснить участнику Б, в какие цвета раскрашены объекты на картинке, так чтобы участник Б правильно расположил на соответствующих объектах своей картинки цветные стикеры. Эта методология позволила не только системно сравнить системы цветообозначений разных жестовых языков, но и сопоставить их с системами звучащих языков. Оказалось, что в общем и целом жестовые языки в этой зоне удовлетворяют закономерностям, постулированным на материале звучащих языков. Схожие результаты были получены и для двух других зон (терминов родства, числительных). Эти исследования доказали принципиальную возможность сравнения лексических систем жестовых и звучащих языков. Однако, семантические поля, на базе которых эта возможность была доказана, включают в себя только жесты ядерного лексикона. А значит, вопрос, до какой степени это сравнение возможно, остается открытым.

Третий раздел главы 2 описывает методологию, принятую в диссертационном исследовании. Так как объектом исследования являются признаковые поля разных семантических зон, в том числе, экспериенциальной ('тяжелой') и временной ('старый'), наиболее подходящим подходом для решения поставленных задач оказался фреймовый. В настоящей работе фреймовый подход впервые применяется к лексике жестового языка. А значит, дополнительный исследовательский вопрос диссертации: возможно ли сравнение лексики звучащих и жестовых языков в рамках этой методологии.

² Т.е., образованную от обозначений пальцевого алфавита.

Сбор данных заключался в заполнении лексико-типологических анкет с контекстами для признаков слов. Таблица 2 иллюстрирует фрагмент анкеты для признака ‘тяжёлый’.

контекст	ТЯЖЕЛЫЙ-1 	ТЯЖЕЛЫЙ-2
сумка	+	+
рюкзак	+	+
туча	+	+
педаль	+	-
ранение	-	+
разговор	-	+
фильм	-	+

Таблица 2. Фрагмент лексико-типологической анкеты признака ‘тяжелый’, заполненной для РЖЯ

Для каждого жеста поля указывалось, какие контексты он покрывает. Заполнение анкеты проводилось на основе корпусного анализа и опросов носителей. Корпус русского жестового языка (www.rsl.nstu.ru), опубликованный в открытом доступе в 2015 году, содержит более 230 аннотированных видеозаписей от 43 носителей разных диалектов. Корпус такого объема может использоваться в качестве единственного источника материала для разнообразных грамматических и социолингвистических исследований. Для анализа лексики, однако, такого объема недостаточно. Так, например, во всем корпусе есть только 18 вхождений слов со значением ‘мокрый’ и 2 вхождения слова ‘острый’. Поэтому в настоящем исследовании данные, полученные в результате корпусного анализа, дополнялись опросом носителей.

Анкеты для носителей были представлены в двух видах: списка словосочетаний «прилагательное + существительное» и списка предложений, содержащих интересующую нас лексему. Таблица 3 иллюстрирует эти два вида для фрагмента анкеты, представленного в Таблице 2:

контекст	«прилагательное + существительное»	предложение
сумка	тяжелая сумка	У мамы тяжелая сумка с продуктами
рюкзак	тяжелый рюкзак	У меня в походе был тяжелый рюкзак
туча	тяжелая туча	Небо покрылось тяжелыми тучами
педаль	тугая педаль	У этого велосипеда тугие педали
ранение	тяжелое ранение	Он получил на войне тяжелое ранение
разговор	тяжелый разговор	Между ними состоялся тяжелый разговор
фильм	тяжелый фильм	Мы посмотрели очень тяжелый фильм

Таблица 3. Два вида анкет для носителей, использованные при сборе данных РЖЯ

Задача носителей состояла в переводе соответствующих слов, словосочетаний и предложений с русского языка на русский жестовый. Каждая анкета заполнена тремя-пятью носителями. Видеозаписи с ответами обработаны в программном обеспечении ELAN 4.9.0 (<http://tla.mpi.nl/tools/tla-tools/elan/>).

Для визуальных признаков полей, анализ которых представил наиболее трудную задачу, были собраны дополнительные данные в виде корпуса видеозаписей, созданного и аннотированного специально для настоящего исследования. Носителям предлагалось сыграть в коммуникативную игру «Найди 10 отличий». Игра играется в парах. Каждому из участников дается картинка. Картинки отличаются в 10ти местах. Задача участников – найти 10 отличий при условии, что каждый участник может видеть только свою картинку. Так как отличия состояли в форме и размере предметов (ботинки с острыми vs. тупыми носами; толстая доска vs. тонкая доска), в результате было элицировано большое количество жестов, принадлежащих к интересующим нас полям. Стимулы для этого задания были разработаны специально для настоящего исследования.

Глава 3 «Поля с ядерными жестами» посвящена анализу полей, покрываемых исключительно жестами ядерного лексикона РЖЯ ('тупой', 'старый', 'тяжелый', 'мокрый'). Эти жесты не меняют своей формы с каждым новым описываемым объектом. А значит, их семантику можно анализировать с помощью методологии фреймового подхода к лексической типологии без каких-либо модификаций. Наиболее просто в РЖЯ устроена лексическая система признакового поля 'тупой'. Эту зону покрывает одно прилагательное (Рис. 3):

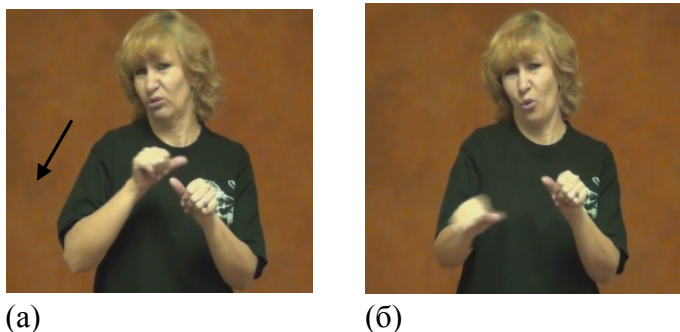

Рисунок 3. РЖЯ: тупой

Оно используется для описания объектов разных типов: режущих инструментов (нож, пила) и колющих инструментов (игла, шило). Такая же система лексикализации этого поля наблюдается у большого ряда звучащих языков, в т.ч: русского, сербского, английского, китайского, баскского, немецкого, японского, корейского, малайского [Кюсева 2012].

Чуть более сложно в РЖЯ устроен признак 'тяжелый'. Он покрывается двумя прилагательными. Первое прилагательное употребляется в ситуации поднимания объекта с опоры ('тяжелая сумка', 'тяжелый рюкзак', 'тяжелый чемодан'). Сфера второго прилагательного шире: помимо этой ситуации, он применим к объектам, части которых сдвигаются относительно друг друга ('тугие педали', 'тугой ящик', 'тугая кнопка'). Эти значения образуют два фрейма из трех, составляющих поле 'тяжелый' [Kholkina, Ryzhova to appear]:

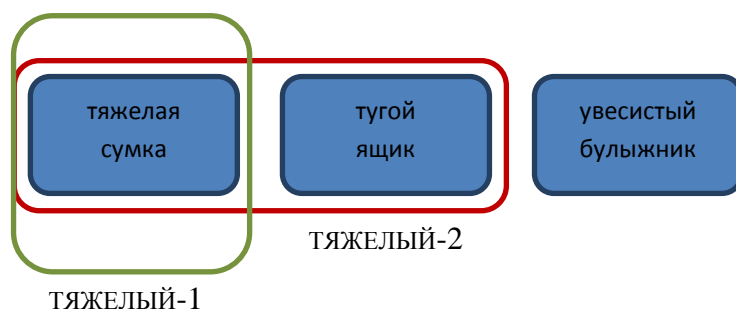

Рисунок 4. Семантическое поле ‘тяжелый’ в РЖЯ

Третий фрейм, ситуация взвешивания объекта (‘увесистый булыжник’, ‘увесистый том’, ‘увесистый кошелёк’), представляет собой в РЖЯ семантическую лауну: он не покрывается ни одним прилагательным. В то время как ТЯЖЕЛЫЙ-2 не развивает метафорических переносов, ТЯЖЕЛЫЙ-1 обладает богатой системой переносных значений. Это прилагательное употребляется в таких словосочетаниях, как ‘тяжелая жизнь’, ‘тяжелый ученик’, ‘тяжелый фильм’. Все метафоры этого слова являются негативными и связаны с трудностями, горем, неприятными ощущениями. Такое развитие метафор типично для слов, покрывающих в своих прямых употреблениях только левый фрейм семантической карты (ср. русское слово *тяжелый*, английское *heavy*, французское *lourd*). Знаменательно, что жест ТЯЖЕЛЫЙ-1 в своих употреблениях практически полностью копирует сочетаемость русского прилагательного *тяжелый*. Возможно, это прилагательное является калькой с русского коррелята.

Признак ‘мокрый’ реализует также реализует в РЖЯ бинарную стратегию лексикализации, при которой все фреймы поля распределены между двумя лексемами. Первый жест, МОКРЫЙ, характеризует объекты, мокрые от погружения в воду и другие жидкости (‘промокшие ботинки’, ‘мокрые волосы после душа’, ‘мокрый пол от пролитой на него жидкости’). Второй жест, ВЛАЖНЫЙ-СЫРОЙ, описывает объекты, влажные от долгого нахождения на влажном воздухе, а также не полностью высохшие (‘сырые простыни’, ‘сырая почва’, ‘влажная трава после дождя’, ‘влажный пол после мытья’). Бинарные системы такого типа наблюдаются в ряде звучащих языков, в том числе в испанском (*mojado* vs. *húmedo*), немецком (*nass* vs. *feucht*), польском (*mokry* vs. *wilgotny*), монгольском (*nojton* vs. *čijgleg*) [Reznikova to appear]. Два семантических центра признакового поля, которые покрываются двумя разными лексемами при бинарной системе, характеризуются рядом дополнительных оппозиций. Так ‘мокрый’ прототипически связан с временным состоянием, а ‘влажный-сырой’ – с постоянным; ‘мокрый’ может восприниматься как тактильно, так и зрительно, а ‘влажный-сырой’ – только зрительно. Наконец, ‘мокрый’ прототипически предполагает большую степень влажности, чем ‘влажный-сырой’. Вероятно, эта последняя оппозиция по степени влажности иконически кодируется в соответствующих жестах РЖЯ. Оба жеста производятся с одновременным открытием-закрытием ладоней, ориентированных

кверху. Но если в жесте ‘мокрый’ в смене конфигурации задействованы все пальцы, то в жесте ‘влажный-сырой’ – только большой и средний (Рис. 5-6).

(а)

(б)

Рисунок 5. РЖЯ: МОКРЫЙ

(а)

(б)

Рисунок 6. РЖЯ: ВЛАЖНЫЙ-СЫРОЙ

Наконец, в семантической зоне ‘старый’ наблюдается нетипичная для звучащих языков стратегия лексикализации. Фреймовый набор этой зоны состоит из четырех значений: ‘долго живущий’ (*старая женщина*), ‘объект, долго бывший в употреблении и от этого пришедший в негодность’ (*старая одежда*), ‘прежний’ (*старый директор*), ‘созданный в прошлом и относящийся к прошлому’ (*старая монета*). В РЖЯ это поле покрывают три жеста и один компаунд (СТАРЫЙ, ПРОШЛЫЙ, ДРЕВНИЙ, СТАРЫЙ+ДАВНО). Жест СТАРЫЙ характеризует старых людей и объекты, долго бывшие в употреблении, жест ДРЕВНИЙ и компаунд СТАРЫЙ+ДАВНО описывают объекты, созданные в прошлом, наконец, жест ПРОШЛЫЙ покрывает фрейм ‘прежний’. На Рисунке 7 изображена семантическая карта признака, заполненная для РЖЯ.

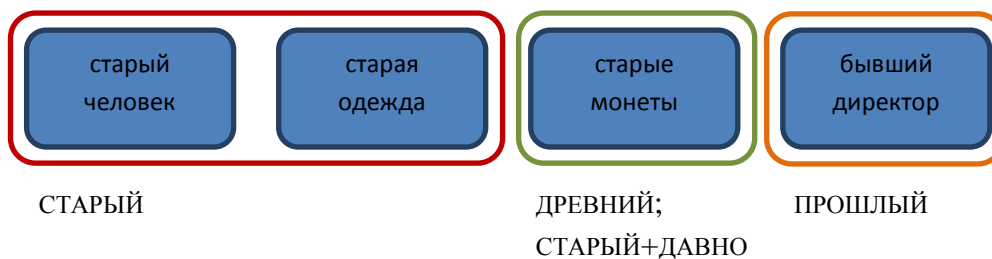

Рисунок 7. Семантическая карта признака ‘старый’: система РЖЯ

Такая стратегия покрытия поля является крайне нечастотной для звучащих языков, намного более распространенными являются системы: (1) доминантная при которой одно прилагательное описывает все типы объектов; (2) бинарная, при которой поле распределено между двумя лексемами; (3) дистрибутивная, при которой либо каждый фрейм покрывается отдельным прилагательным, либо первое прилагательное описывает старых людей, второе – ветхие вещи, а третье объединяет третий и четвертый фреймы [Резникова, Рахилина 2015; Marushkina, Rakhilina 2013]. При этом система русского жестового языка может быть нанесена на семантическую карту. Это значит, что глубинные обобщения, сделанные на материале звучащих языков, применимы и к РЖЯ.

В главе 4 «Поля с периферийными жестами» рассматриваются признаки, которые хотя бы частично покрываются жестами периферийного лексикона РЖЯ. Поля такого типа раньше не анализировались в лексической типологии. Сложность с периферийными жестами состоит в том, что поскольку они принимают новую форму с каждым новым объектом, нетривиальным оказывается вопрос о том, что считать одной лексемой. Так, например, непонятно, являются ли формы на Рисунке 2 ('толстый' в контексте слов 'стена', 'дерево', 'верёвка') одним словом или разными. Как мы уже говорили, некоторые специалисты по жестовой лингвистике считают, что такие слова вообще не стоит считать лексическими единицами: они создаются в процессе речи и имеют больше сходств с жестикуляцией слышащих людей [Brennan 1990]. Другая сложность с этими единицами состоит в том, что их семантика не ограничивается рассматриваемыми признаками. Периферийные жесты характеризуют объекты одновременно по ряду параметров: локализация, ориентация, объемность и другие аспекты внешнего вида. Успешный анализ признаков полей с периферийными жестами потребовал обращения к их внутренней структуре.

Фреймовый набор семантического поля 'острый', выведенный на материале двадцати звучащих языков, включает в себя три ситуации: 'хорошо режущий инструмент' (нож, пила, сабля), 'хорошо колющий инструмент' (игла, шило, копье), 'предмет с вытянутым концом' (нос, гора, колпак).

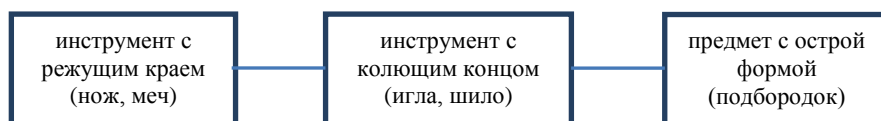

Рисунок 8. Семантическая карта поля 'острый'

Первая ситуация покрывается в РЖЯ ядерными жестами ОСТРЫЙ₁ и ОСТРЫЙ₂ (Рис. 9).

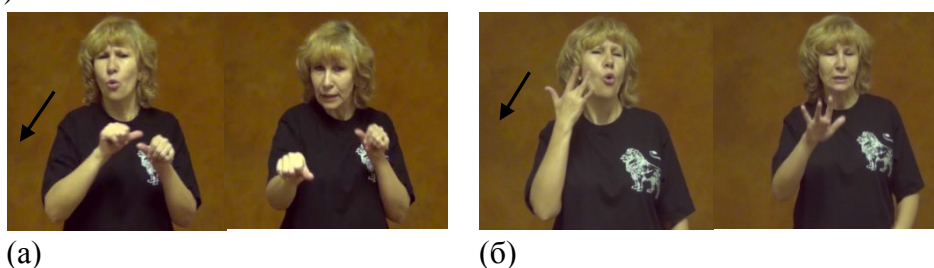

Рисунок 9. РЖЯ: ОСТРЫЙ₁ (а) и ОСТРЫЙ₂ (б)

Колушие инструменты и предметы с острой формой описываются в РЖЯ периферийными жестами (эту группу периферийной лексики называют также жестами формы и размера, *Size and Shape Specifiers, SASSes*; [Supalla 1982]). Рисунок 10 иллюстрирует некоторые формы, которые эти жесты могут принимать в разных контекстах.

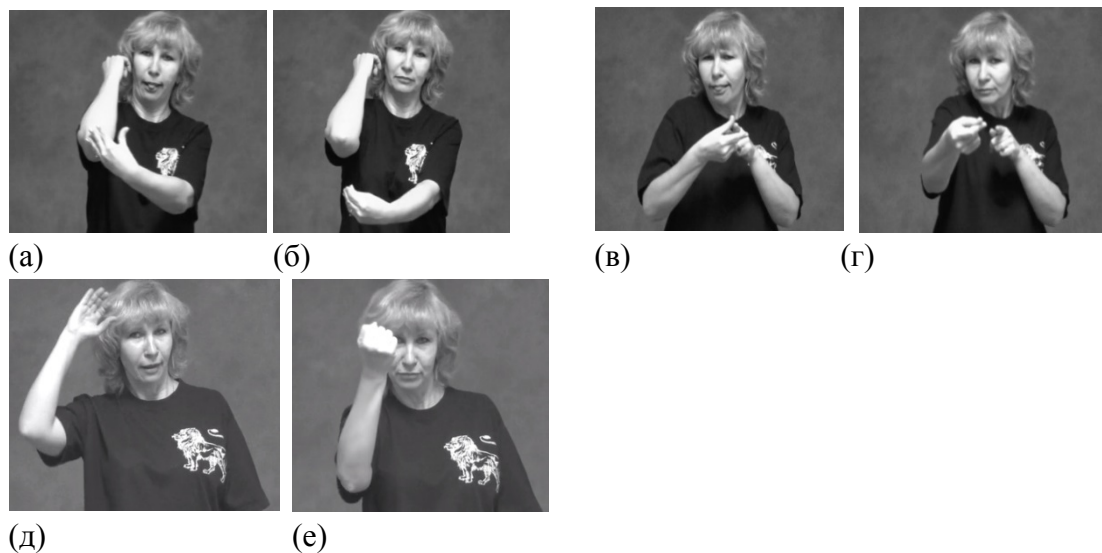

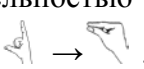

Рисунок 10. РЖЯ: жест формы и размера ‘острый’ в контексте существительных ‘локоть’ (2а-б), ‘нож’ (2в-г), ‘рог’ (2д-е)

Тщательный анализ компонентов в этих жестах показывает их неравноправный статус. В то время как количество разных локализаций, ориентаций и движений крайне велико, все разнообразие форм доминантной руки сводится к двум: . Дистрибуцию этих конфигураций можно объяснить, если принять интерпретацию периферийных жестов, согласно которой они представляют собой комплексные лингвистические единицы, и каждый компонент в этих единицах обладает своим значением. Локализация жеста показывает относительное расположение объекта (а, точнее, его кончика); направление движения и ориентация руки – ориентацию объекта и некоторые аспекты формы (такие как, длина, изогнутость); а конфигурация руки в этих жестах показывает размерность. Объемные предметы, такие как ‘гора’, ‘колпак’, ‘кол’, маркируются последовательностью , а двумерные и одномерные, такие как ‘коса’, ‘игла’, ‘лопата’, – . При этом само изменение формы руки с открытой на закрытую передает значение острой формы: объект является более толстым у основания (открытая конфигурация) и более тонким у кончика (закрытая конфигурация).

В анализе этих жестов я следую Скотту Лидделлу [Liddell 2003], согласно которому периферийные жесты имеют лексическую и не-лексическую части. Компоненты жестов, которые относятся к лексической части, хранятся в ментальном лексиконе носителей. Они конвенционализованы в глухом сообществе и не меняются (или меняются ограниченным образом) в зависимости от контекста. Не-лексические, «жестикуюляционные», компоненты создаются в момент речи. Их значение выбирается

из открытого списка и в значительной степени определяется контекстом. Эти компоненты являются прозрачными: они могут быть однозначно проинтерпретированы человеком, который видит жест в первый раз. Лексическая часть в периферийных жестах со значением ‘острый’ – форма руки, которая обозначает размерность предмета. В не-лексическую часть входят все остальные мануальные компоненты. Если при анализе этой зоны семантического поля ‘острый’ опираться на конвенционализированный элемент, то её покрывают две лексемы: одна описывает объемные объекты (как колющие инструменты, так и объекты с острой формой), а вторая – одномерные и двумерные. Такая интерпретация требует изменения вида семантической карты:

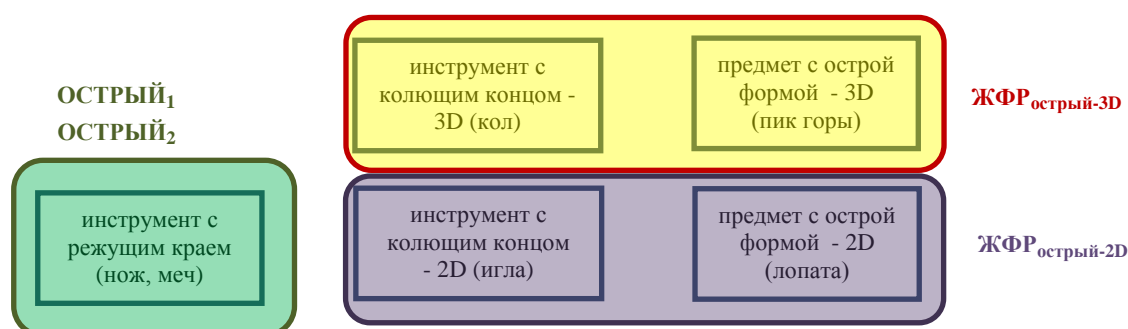

Рисунок 11. Семантическая карта поля ‘острый’ в РЖЯ

Аббревиатура «ЖФР» обозначает «жест формы и размера». ‘Острый’ представляет собой первое семантическое поле, анализ которого в РЖЯ привел к изменению вида семантической карты, разработанной на материале звучащих языков. Это говорит о том, что в этой зоне русский жестовый язык предлагает принципиально другую систему лексикализации. При этом фреймовый подход располагает инструментарием, чтобы эту систему отразить.

Сложная система лексикализации представлена и в признаках малых размерностей (‘толстый-широкий’ и ‘тонкий-узкий’), которые покрываются исключительно жестами формы и размера. Фреймовые структуры этих признаков практически параллельны и включают в себя объекты разных топологических классов: ‘слои’ (плоские объекты с хорошо очерченными границами: книги, одеяла, стены), ‘стержни’ (вытянутые объекты, у которых одно измерение значительно больше двух других: ветки, веревки, карандаши), ‘полосы’ (вытянутые плоские объекты, у которых самое маленькое измерение настолько незначительно, что они воспринимаются как двумерные: ленты, полосы на платье, доски), ‘дороги’ (вытянутые пространства, вдоль которых человек может идти), ‘дырки’ (пустые пространства в объектах типа ‘слой’: дырки в стенах, полу, окна, двери), ‘норы’ (вытянутые пустые пространства: коридоры, тоннели, трубы).

Разные топологические классы объектов в этих полях маркируются в РЖЯ разными формами руки, общими для признаков ‘толстый-широкий’ и ‘тонкий-узкий’:

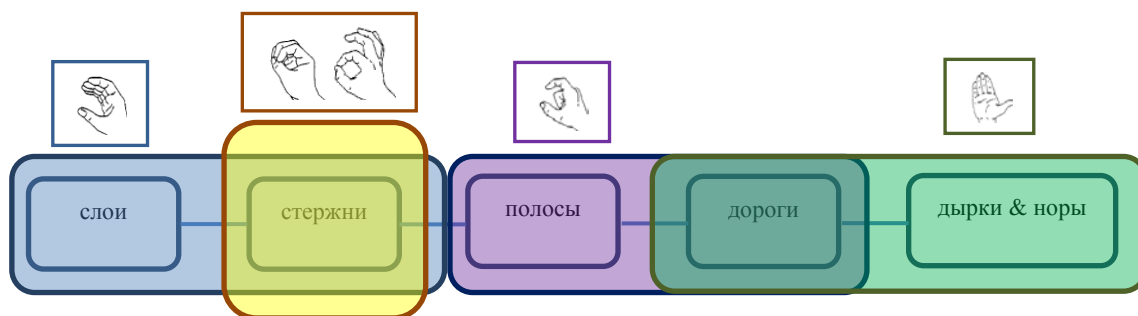

Рисунок 12. Семантическая карта признаков малых размерностей в РЖЯ

Остальные мануальные компоненты в этих жестах являются не-лексическими и передают те же значения, что и соответствующие единицы поля ‘острый’: ориентация ладони обозначает ориентацию предмета, место артикуляции – его локализацию, движение характеризует различные аспекты формы предмета, такие как протяженность и прямота. Само значение большого или малого размера выражается немануальным компонентом. Жесты со значениями ‘толстый’ и ‘тонкий’ производятся с разными артикуляциями губ:

- ‘толстый’: /аф/, /о/, надутые щеки
- ‘тонкий’: /пи/, /па/, /пл/, /у/, /мм/

Таким образом, один и тот же мануальный жест с разными губными артикуляциями может обозначать антонимичные признаки, см. примеры ниже:

(а) ‘толстый’ (о доске), губ.арт. /о/ (б) ‘тонкий’ (о доске), губ.арт /пи/
Рисунок 13. РЖЯ: ‘толстый’ (а) vs. ‘тонкий’ (б)

Движения губ в этих жестах относятся к классу так называемых «адвербиалов»: немануальных компонентов, передающих дополнительное значение к тому, которое выражается мануальной частью [Crasborn et al. 2008]. Губная артикуляция такого типа была обнаружена в многочисленных жестовых языках. Например, в британском жестовом языке адвербиал «выпяченные вперед губы» передает значение ‘легко, в расслабленной манере’ [Lewin, Schembri 2011]. В соединении с мануальной частью ‘вести машину’ весь жест приобретает семантику ‘легко, непринужденно вести машину’. В рассматриваемых жестах полей малых размерностей адвербиалы обладают значениями большой и маленькой степени, соответственно. Их сочетаемость не ограничивается данными признаковыми полями. Так, адвербиалы большой степени /аф/ и «надутые щеки» могут сочетаться с лексемой ‘тяжелый’, и весь жест в таком случае принимает значение ‘очень тяжёлый’. Следовательно, смыслы ‘тонкий’ vs.

‘толстый’ в РЖЯ складываются из сочетания топологии (конфигурация руки) и значения степени (немануальный компонент).

В **Заключении** суммируются результаты проведенного исследования и обсуждаются возможные пути его развития. Анализ семи признаков полей в РЖЯ и сравнение их организации с соответствующими полями в звучащих языках показал, что:

- 1) Лексика русского жестового языка сопоставима с лексикой звучащих языков.

Большинство семантических полей, проанализированных в рамках настоящего исследования имеют ту же глубинную организацию, что и соответствующие семантические зоны в звучащих языках. Исключение составил признак ‘острый’, описание лексикализации которого потребовало изменение вида семантической карты, разработанной на материале звучащих языков.

- 2) Для её типологического анализа подходят методы, разработанные в рамках фреймового подхода к лексической типологии.

Для сбора данных русского жестового языка подходят лексико-типологические анкеты контекстов. Для не-визуальных полей эти анкеты можно использовать в качестве единственного метода сбора информации. Полученные данные могут быть нанесены на семантические карты, позволяющие сравнить стратегии лексикализации русского жестового языка со стратегиями лексикализации других языков.

- 3) Уникальность лексики русского жестового языка состоит в присутствии в ней двух фундаментально разных компонентов: ядерного и периферийного. Для системного описания последнего типа необходим детальный анализ отдельных компонентов жеста.

В работе показано, что периферийные жесты содержат в себе два типа компонентов: те, которые выбирают значения из ограниченного списка элементов (конфигурация, немануальный компонент), и те, множество значений которых потенциально бесконечно (ориентация руки, место артикуляции, траектория движения). Для того чтобы поместить соответствующие жесты на семантическую карту и обеспечить возможность сопоставления с другими языками, оказалось необходимым учесть только компоненты с ограниченным количеством значений. Компоненты второго типа в рассмотренных жестах передают значения ориентации, местонахождения объекта, а также некоторые аспекты формы. Интерпретация их лингвистического статуса не является ключевой для задач, сформулированных в диссертации.

Рабочая гипотеза, однако, состоит в том, периферийные жесты состоят из лингвистической и жестикуляционной частей, и компоненты второго типа представляют собой жестикуляционную часть. В высшей степени иконичные и бесконечно разнообразные, эти компоненты не могут быть формализованы и создаются в момент речи, а не хранятся в ментальном словаре носителей (что согласуется, например, с анализом в [Liddell 2003]). Уточнение их статуса является возможным направлением для будущего исследования.

- 4) Так как все жестовые языки относят к одной языковой группе [McBurney 2012], обобщения, сделанные на материале РЖЯ в рамках настоящего исследования, потенциально применимы и к другим жестовым языкам.

Публикации автора по теме диссертации

Публикации в изданиях из списков ВАК РФ, Web of Science и Scopus

1. *Кюсева М.В.* Признаковая лексика в русском жестовом языке в типологической перспективе // Вестник Московского Университета, серия 9 – 2017 – №3 – С. 97-114.
2. *Кюсева М.В.* Жесты формы и размера в русском жестовом языке // Рема – 2017 – №6. Стр. 41-60.
3. *Резникова Т.И., М.В. Кюсева, Д.А. Рыжова.* Типологическая база данных адъективной лексики. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая - 2 июня 2013 г.). В 2-х т. Т. 1: Основная программа конференции. Вып. 12 (19) – М. : РГГУ – 2013. – С. 407-419
4. *Кюсева М.В.* Рецензия на книгу R. Benczes, A. Barcelona, F.J. Ruiz de Mendoza Ibáñez (eds.). Defining metonymy in cognitive linguistics: Towards a consensus view. Amsterdam: John Benjamins, 2011. 292 p. (Human cognitive processing. V. 28.) // Вопросы языкознания – 2012. – № 6 – С. 144-149.
5. *Кюсева М.В., Рыжова Д.А.* Прилагательные ‘тяжёлый’ и ‘лёгкий’ в типологической перспективе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая–3 июня 2012 г.). В 2 томах / Отв. ред.: А. Е. Кибрик. Т. 1: Основная программа конференции. Вып. 11. – М. : РГГУ – 2012. – С. 247-255.
6. *Кюсева М.В., Рыжова Д.А.* Признаковая лексика: прилагательные ‘острый’ и ‘тупой’ в типологической перспективе // Материалы седьмой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. ACTA LINGUISTICA RETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН (Отв. редактор Н. Н. Казанский. Т. VI. Ч. 3) – Спб: Наука – 2010. – С. 90-94.

Прочие публикации по теме диссертации

7. *Кюсева М.В., Мороз Г.А.* Лексика со значением формы и размера в русском жестовом языке. // Сборник по материалам конференции «Специальные образовательные условия и качество профессиональной подготовки лиц с ограниченными возможностями здоровья – Новосибирск: НГТУ – 2015. – С. 120-127.
8. *Кюсева М.В., Рыжова Д.А., Холкина Л.С.* Лексическая типология: к проблеме определения границ семантического поля (на примере признаков 'толстый' и 'тонкий') // Tipologia lexica. – Гранада : Jizo Ediciones – 2013. – С. 255-262.
9. *Кюсева М.В., Рыжова Д.А.* Прилагательные ‘острый’ и ‘тупой’ в русском, сербском и французском языках. // Сборник научных трудов «Проблемы лексической типологии», вып. 1. – Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета – 2011. – С. 164-171.